

ЛАРИСА РУБАЛЬСКАЯ ПИСАЛА ПРО БОКС, ТАК ЧТО ОПЕРА ЕЙ ПО ПЛЕЧУ

Как мы уже писали, накануне своих творческих вечеров 21 и 22 января в Государственном киноконцертном зале «Россия» Лариса Рубальская, одна из самых популярных и прославленных поэтов, пишущих песни, провела пресс-конференцию. Стоит сказать, что по количеству написанных ею стихов, которые затем становятся эстрадными шлягерами, с Рубальской, пожалуй, может состязаться лишь Илья Резник. На пресс-конференции вместе с ней присутствовал режиссер концерта Владислав Дружинин, а также продюсер, друг, личный врач и муж поэтессы Давид Розенблад. Но сосредоточимся на самой поэтессе, которая покорила всех своей искренностью, легкостью в общении, женственностью. Поскольку речь зашла о том, что в концерте, кроме эстрадных певцов, примут участие и драматические актеры — Ольга Остроумова, Валентин Гафт, Сергей Маковецкий, прославленный оперный певец Зураб Соткилава и великолепный танцовщик Андриис Лиена, а вести концерт вместе с Ларисой Рубальской будет композитор Игорь Кио, то, естественно, возник вопрос:

— Не боится ли поэтесса, что невольно будет проводиться параллели с давней эстрадно-цирковой программой, которую Кио вел с Аллой Пугачевой?

— Когда задумывался вечер, я, честно говоря, забыла об этом аттракционе. Идея витает в воздухе. Хотелось немного чуда, «фокуса-мокуса». Но когда недавно в новогодние дни по телевидению показали этот вечер с Игорем Кио и Аллой Пугачевой, то я, естественно, эту программу вспомнила, и мы внесли в наш вечер коррективы. Надеюсь, что это будет нечто иное. Но параллелей боюсь...

— А пела ли Алла Пугачева ваши песни?

— Сейчас Пугачева в первый раз в жизни поет мою песню «Какая ты смешная, доченька моя».

— Говорят, что песня писалась для Филиппа Киркорова?

— Песня сначала звучала со словами: «Какая ты смешная, любимая моя» и была отдана Филиппу. Когда она прозвучала со словами «доченька моя», меня это удивило, но и обрадовало. Раз так судьба решила, значит, так надо. Иногда хочется что-то в песне изменить или под кого-то ее подправить, и не получается. Тут все произошло само собой. Прозвучала так — и все.

— Многие поэты пишут стихи в силу стресса, невероятной радости или в определенное время суток. Как все происходит с вашими стихами?

— Время суток не играет роли. Может, мне что-нибудь надо придумать, так как об этом меня спрашивают довольно часто. Может, я какая-то чудная. Я — человек заземленный, бытовой. Я иду по рынку, по улице, еду в троллейбусе или в метро, и у меня как раз в эти моменты приходят строчки. Происходит все быстро, легко... Когда и где — не имеет значения. Вероятно, кому-то нужен стресс,

трагическое, паническое состояние или состояние радости и покоя. Я не могу ответить на этот вопрос. Какой-то ангел садится мне на плечо и говорит то-то или то-то, что-то шепчет. Срифмованные поэтические строки могут стать провидческими, что-то на-пророчить, чем-то успокоить. И кажется, мне это удается. Происходит это помимо меня. А насколько это удастся, судить тому, кто слушает и читает. Во всяком случае я это делаю от всего сердца и искренне.

— Поскольку вы работали в японской газете, знаете японский язык, то хотелось бы узнать: не пишете ли вы стихи на японском языке?

— Стихи по-японски не пишу. Не имеет смысла. Поскольку японский язык достаточно ограниченный, притом, что в нем огромное количество иероглифов. И непременная для японцев вежливая речь предусматривает определенные однотипные окончания, а при моей бурлящей страсти эти окончания никак не вяжутся, не укладываются в мой ритм. Правда, одна профессиональная японская переводчица поэзии, которая в совершенстве владеет русским, перевела на японский «Напрасные слова». И «плесните колдовства в хрустальный мрак бокала», получилось по-японски примерно следующее звучание «налейте чего-нибудь в какой-то очень свежий стакан». Нет, по-японски я писать не хочу.

— Как-то Александр Малинин сказал, что игнорирует женскую поэзию, но при этом поет ваши «Напрасные слова», которые стали его «коронной» песней. К кому из современных поэтесс вы тяготеете?

— Сначала про Малинина расскажу. Когда он еще носил другую фамилию, еще не был звездой и готовился к фестивалю в Юрмале, он пришел ко мне и удивил тем, что громко пел какие-то странные песни. И тогда мой муж Давид предложил ему мои «Напрасные слова», я еще повертела пальцем у виска — мол, что он делает. Ведь Малинин пел про какие-то «пластилиновые перепелки и телки», но взял текст и ушел. Мы знали, что он собирается в Юрмалу, попросили Давида Тухманова написать музыку на этот текст... И когда на Юрмале песня прозвучала, я была поражена. Малинин позвонил и спросил: «Ну, ты довольна?» Я ответила: «Я довольна, когда получаю зарплату. Я просто счастлива по-настоящему...» А потом мне позвонил Владимир Молчанов, который тогда делал «До и после полуночи» — самую популярную телепередачу того времени, и сказал: «Я услышал удивительный романс, мне казалось, что автор таких удивительных, велеличивых строк уже давно умер. А оказалось, что это ваши стихи». И прозвучал романс в тот день в «До и после полуночи».

С тех пор и меня узнали... Потом же, через некоторое время, был концерт, в котором выступали уже признанный Малинин и я. Он не знал, что я участвую в концерте и выхожу следом за ним. Он на сцене, а я жду своего выхода за кулисами. Малинин рассказывал: «Как-то я познакомился с одной женщиной — Ларисой Рубальской. Она стала меня

просить: «Саша, спойте, пожалуйста, песню на мои стихи. Я взял текст и ушел домой. Она стала меня «доставать». Я даже своих домашних предупредил: если будет звонить, чтоб говорили, что ушел за молоком или еще куда-нибудь. А потом она на меня нарвалась и я ей пообещал сделать песню. И через девять месяцев у нас родился романс». Рассказал он это все и уходит под аплодисменты со сцены. Я иду ему навстречу и говорю: «Саша, стойте, вернемся к зрителям и расскажем все, как было на самом деле». Короче, с той поры у него — своя версия, у меня — своя. Кому хотите, тому и верьте. Я не обманываю... К кому из нынешних женщин-поэтов я тяготею? Я вообще люблю поэзию, суть поэзии. Я читаю и Юну Мориц и Беллу Ахмадулину, и Ритму Казакову нежно люблю, мы с ней иногда вместе выступаем. Я просто преклоняюсь перед талантом пишущих поэтесс. Я очень люблю ушедших, скажем, Веронику Тушнову, особенно Анну Ахматову. Я вообще читаю стихи и без этого жить не могу.

— Хотелось бы вам попробовать себя в других жанрах, скажем, в опере?

— Несколько дней назад, репетируя наш концерт с Зурабом Соткилавой, я его очень подробно расспрашивала, как пишется опера. Чтобы в ней не было таких обязательных и на современный слух нелепых фраз, как «дай мне воды» или «гости пришли». Я бы хотела, я бы очень хотела обновить старые жанры, написать оперу. Даже не рок-оперу, хотела бы написать серьезно, может, что-то на темы из прошлых веков. Я умею писать стилизованно, я могу вспомнить те слова, которыми оперировали в прошлые столетия. Но я жду, когда возникнет такая потребность приложения моих сил. Может быть, будет какой-то заказ... Когда-то, много лет

назад, мне позвонил мой товарищ — композитор Саша Клевицкий и говорит: «Есть такой странный заказ, к чемпионату мира по боксу написать несколько номеров...» Я говорю: «Ты что, сумасшедший?» и положила трубку. А через два часа у меня уже было все готово — целое связанное действо. В нем был кулачный бой на Руси, пела Надежда Бабкина, Игорь Тальков пел на тему бокса, «Интеграл» Барри Алибасова пел про железного боксера. Это действо из восьми песен минут на 30 — 40 тогда всех удивило и всем понравилось. И стало моим первым оплаченным заказом. Так что, если я смогла написать про бокс, я смогу написать и оперу, если будет заказ и желание у кого-то такую оперу создать.

— С вами рядом ваш муж — господин Давид Розенблад, который говорит, что всегда готов помочь вам, чем может. Когда и в чем он помогает?

— Мы живем в старинном законном браке. Сразу в законном! Двадцать четыре года. Я хочу похвастаться. Наши отношения за такой срок могли бы быть и суше, и отдаленнее, и равнодушнее. Мы хорошо друг к другу относимся. И ровность, и «хорошесть» наших отношений не помешала неделю назад спокойному и доброжелательному Давиду рвануть занавеску из шариков, которая отделяет кухню от коридора, рвануть так, что шарики раскатились по всей кухне... Был спор, творческий спор о концерте — делать так на сцене или так... «Господин Розенблад» — это для меня звучит странно, он для меня Давидка, Додик... Хороший добрый доктор, нормальный муж. Не треплет мне нервы, не заставляет смотреть на часы, сидеть у телефона, приходит вовремя домой. Я счастлива. Несомненно на то, что мне приятно быть на сцене, что афиши расклеены по городу, я бы всем поступилась, лишь бы он был в моей жизни, и в творческой в том числе.

— С кем из молодых исполнителей вы сотрудничаете в последнее время?

— Я пригласила на свой вечер Катю Лель. Она поет хорошие песни Эдуарда Ханка и Виктора Чайки. Мне она нравится. Мне нравится, как Катя живет, как она существует, ее вкус к репертуру. Мне симпатичен этот человек. Будет выступать Елена Лебенбаум — классная абсолютно, еще не «засвеченная» почти, хотя уже появляется в телевизионных передачах. Она будет делать пародии на наших звезд и споет «от себя» песню, которую я для нее написала. Интересным мне кажется Авраам Руссо, он сам с Кипра. Я для него написала целый альбом, и он украсит своим исполнением вечер. А из прежних моих исполнителей я пригласила Иру Аллегрову, потому что люблю ее много лет. Она пела мои песни, они и ей, и мне принесли удачу. Это — «Угонщица», «Сквозняки», «Транзитный пассажир»... С ней нас связывает долгая, давняя дружба. Когда-то я ей написала одну из первых ее песен «Темная лошадка» со словами: «Темная лошадка вырвалась вперед». Она и вырвалась, и впереди. Она поет мои песни и в новом альбоме... Прозвучит премьеры смешной песни «Лебединое озеро». Например, там есть слова: «Ну а принц — душа продажная, показал свое адажио...» Хорошая песня, удалая... Если бы пришли на концерт все исполнители моих песен, мы могли бы выступать целую неделю и ничего не повторять.

Материал подготовил Петр КУЗЬМЕНКО